

УДК 94(47)"1894/1917"
ББК 63.3(2)52
О-56

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Ольденбург, Сергей Сергеевич.

О-56 Царствование императора Николая II / С.С. Ольденбург. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 864 с. — *(Классика истории и культуры. Лучшее)*.

ISBN 978-5-17-163506-0

Книга С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II» охватывает период 1894–1917 гг. — от восшествия на престол императора Николая II до его отречения в феврале 1917 г. — и посвящена правлению последнего российского императора и его роли в разразившейся в России революции.

Сергей Сергеевич Ольденбург (1887–1940) — профессор истории, публицист и журналист, участник Белого движения, эмигрировал из России после революции 1917 г. во Францию, где имел уникальную возможность изучить копии исторических актов, в целях предосторожности вывезенных и хранившихся в российском посольстве в Париже. Именно поэтому Высший монархический совет в середине 20-х годов XX столетия поручил ему написать научный труд по истории правления Николая II. Книга была закончена в 1940 г. и выдержала несколько изданий не только за рубежом, но и в современной России.

По сей день книга С.С. Ольденбурга остается наиболее объективным и обстоятельным исследованием противоречивой и сложной эпохи правления последнего российского императора.

**УДК 94(47)"1894/1917"
ББК 63.3(2)52**

ISBN 978-5-17-163506-0

© ООО «Издательство АСТ», 2024

**САМОДЕРЖАВНОЕ
ПРАВЛЕНИЕ**

1894—1904

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Манифест о восшествии государя на престол. — Оценка царствования императора Александра III (В. О. Ключевский, К. П. Победоносцев). — Общее положение в 1894 г. — Российская империя. — Царская власть. — Чиновничество. — Тенденции правящих кругов: «демофильская» и «аристократическая». — Внешняя политика и франко-русский союз. — Армия. — Флот. — Местное самоуправление. — Финляндия. — Печать и цензура. — Мягкость законов и суда. — Культурный уровень. — Литература к началу 90-х гг. — Искусство. — Положение сельского хозяйства. — Рост промышленности. — Постройка жел. дорог; Великий сибирский путь. — Бюджет. — Внешняя торговля. — Рознь между властью и образованным обществом. — Отзыв К. Н. Леонтьева.

«Богу Всемогущему угодно было в неисповедимых путях своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого Родителя Нашего, Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болезнь не уступила ни лечению, ни благодатному климату Крыма, и 20 Октября Он скончался в Ливадии, окруженный Августейшей Семейю Своей, на руках Ее Императорского Величества Государыни Императрицы и Наших.

Горя Нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и Мы верим, что не будет места в обширном Государстве Нашем, где бы не пролились горячие слезы по Государю, безвременно отошедшему в вечность и оставившему родную землю, которую Он любил всею силою Своей русской души и на благоденствие которой Он полагал все помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память Царя, олицетворявшего непоколебимую правду и мир, ни разу не нарушенный во все Его Царствование».

Этими словами начинается манифест, возвестивший России о восшествии императора Николая II на прародительский престол.

Правление императора Александра III, получившего наименование царя-миротворца, не изобиловало внешними событиями, но оно наложило глубокий отпечаток на русскую и на мировую жизнь. За эти тринадцать лет были завязаны многие узлы — и во внешней, и во внутренней политике — развязать или разрубить которые довелось его сыну и преемнику, государю императору Николаю II Александровичу.

И друзья, и враги императорской России одинаково признают, что император Александр III значительно повысил международный вес Российской империи, а в ее пределах утвердил и возвеличил значение самодержавной царской власти. Он повел русский государственный корабль иным курсом, чем его отец. Он не считал, что реформы 60-х и 70-х годов — безусловное благо, а старался внести в них те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России.

После эпохи Великих реформ, после войны 1877—1878 годов, этого огромного напряжения русских сил в интересах балканского славянства, — России во всяком случае была необходима передышка. Надо было освоить, «переварить» произошедшие сдвиги.

В Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете известный русский историк, проф. В. О. Ключевский, в своем слове памяти императора Александра III через неделю после его кончины сказал:

«В царствование Императора Александра III мы на глазах одного поколения мирно совершили в своем государственном строе ряд глубоких реформ в духе христианских правил, следовательно, в духе европейских начал — таких реформ, какие стоили Западной Европе вековых и часто

бурных усилий, — а эта Европа продолжала видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мира...

Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, и чем торопливее рука смерти спешила закрыть Его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Наконец и камни возопили, органы общественного мнения Европы заговорили о России правду, и заговорили тем искреннее, чем непривычнее для них было говорить это. Оказалось, по этим признаниям, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу, и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского Царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что Царь русского народа был и государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов...

Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды,

увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чем Он был для нее».

Если профессор Ключевский, русский интеллигент и скорее «западник», останавливается больше на внешней политике императора Александра III и, видимо, намекает на сближение с Францией, — о другой стороне этого царствования в сжатой и выразительной форме высказался ближайший соратник покойного монарха, К. П. Победоносцев:

«Все знали, что не уступит он Русского, историей завещанного интереса ни на Польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной; наконец, что он заодно с народом верует в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений».

В заседании Французского сената его председатель Шалльмель-Лакур сказал в своей речи (5 ноября 1894 г.), что русский народ переживает «скорбь утраты властителя, безмерно преданного его будущему, его величию, его безопасности; русская нация под справедливой и миролюбивой властью своего императора пользовалась безопасностью, этим высшим благом общества и орудием истинного величия».

В таких же тонах отзывалась о почившем русском царе большая часть французской печати: «Он оставляет Россию более великой, чем ее получил», — писал *Journal des Débats*; а *Revue des deux Mondes* вторила словам В. О. Ключевского: «Это горе было и нашим горем; для нас оно приобрело национальный характер; но почти те же чувства испытали и другие нации... Европа почувствовала,

что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости».

1894 год — как вообще 80-е и 90-е гг. — относится к тому долгому периоду «затишья перед бурей», самому долгому периоду без больших войн в новой и средневековой истории. Эта пора наложила отпечаток на всех, кто вырос в эти годы затишья. К концу XIX века рост материального благосостояния и внешней образованности шел с возрастающим ускорением. Техника шла от изобретения к изобретению, наука — от открытия к открытию. Железные дороги, пароходы уже сделали возможным «путешествие вокруг света в 80 дней»; вслед за телеграфными проволоками по всему миру уже протягивались нити телефонных проводов. Электрическое освещение быстро вытесняло газовое. Но в 1894 г. неуклюжие первые автомобили еще не могли конкурировать с изящными колясками и каретами; «живая фотография» была еще в стадии предварительных опытов; управляемые воздушные шары были только мечтой; об аппаратах тяжелее воздуха еще не слыхали. Не было изобретено радио, и не был еще открыт радий...

Почти во всех государствах наблюдался один и тот же политический процесс: рост влияния парламента, расширение избирательного права, переход власти к более легким кругам. Против этого течения, казавшегося в то время стихийным ходом «исторического прогресса», никто на Западе, в сущности, не вел реальной борьбы. Консерваторы, сами постепенно линия и «левея», довольствовались тем, что временами замедляли темп этого развития — 1894 г. в большинстве стран как раз застал такое замедление.

Во Франции, после убийства президента Карно и ряда бессмысленных анархических покушений, вплоть до бомбы в палате депутатов и пресловутого Панамского скандала, которыми ознаменовалось начало 90-х гг. в этой стране,

произошел как раз небольшой сдвиг вправо. Президентом был Казимир Перье, правый республиканец, склонный к расширению президентской власти; управляло министерство Дюпюи, опиравшееся на умеренное большинство. Но «умеренными» уже в ту пору считались те, кто в 70-е годы были на крайней левой Национального собрания; как раз незадолго перед тем — около 1890 г. — под влиянием советов папы Льва XIII значительная часть французских католиков перешла в ряды республиканцев.

В Германии после отставки Бисмарка влияние рейхстага значительно возросло; социал-демократия, постепенно завоевывая все большие города, становилась самой крупной германской партией. Консерваторы, со своей стороны, опираясь на прусский ландтаг, вели упорную борьбу с экономической политикой Вильгельма II. За недостаток энергии в борьбе с социалистами канцлер Каприви в октябре 1894 г. был заменен престарелым князем Гогенлоэ; но какой-либо заметной перемены курса от этого не получилось.

В Англии в 1894 г. на ирландском вопросе потерпели поражение либералы, и у власти находилось «промежуточное» министерство лорда Розбери, которое скоро уступило место кабинету лорда Сольсбери, опиравшемуся на консерваторов и либералов-унионистов (противников ирландского самоуправления). Эти унионисты во главе с Чемберленом играли настолько видную роль в правительственном большинстве, что вскоре имя унионистов вообще лет на двадцать вытеснило название консерваторов. В отличие от Германии, английское рабочее движение еще не носило политического характера, и мощные тред-юнионы, уже устраивавшие весьма внушительные забастовки, довольствовались пока экономическими и профессиональными достижениями — встречая в этом больше поддержки у консерваторов, нежели у либералов. Этими соотношениями объясняется фраза видного английского деятеля того времени: «Все мы теперь социалисты»...

В Австрии и в Венгрии парламентское правление было ярче выражено, чем в Германии: кабинеты, не имевшие большинства, должны были уходить в отставку. С другой стороны, сам парламент противился расширению избирательного права: господствующие партии боялись утратить власть. К моменту кончины императора Александра III в Вене правило недолговечное министерство кн. Виндишгреца, опиравшееся на весьма разнородные элементы: на немецких либералов, на поляков и на клерикалов.

В Италии, после периода господства левых с Джолитти во главе, после скандала с назначением в сенат проворовавшегося директора банка Танлонго, в начале 1894 г. пришел снова к власти старый политический деятель Криспи, один из авторов Тройственного союза, в особых итальянских парламентских условиях игравший роль консерватора.

Хотя II Интернационал был уже основан в 1889 г. и социалистические идеи получали в Европе все большее распространение, к 1894 г. социалисты еще не представляли собою серьезной политической силы ни в одной стране, кроме Германии (где в 1893 г. они провели уже 44 депутата). Но парламентарный строй во многих малых государствах — Бельгии, Скандинавских, Балканских странах — получил еще более прямолинейное применение, чем у великих держав. Кроме России, только Турция и Черногория из европейских стран вовсе не имели в то время парламентов.

Эпоха затишья была в то же время эпохой вооруженного мира. Все великие державы, а за ними и малые, увеличивали и усовершенствовали свои вооружения. Европа, как выразился В. О. Ключевский, «для собственной безопасности поместилась на пороховом погребке». Всеобщая воинская повинность была проведена во всех главных государствах Европы, кроме островной Англии. Техника войны не отставала в своем развитии от техники мира.

Взаимное недоверие между государствами было велико. Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии казался наиболее мощным сочетанием держав. Но и его участники не вполне полагались друг на друга. Германия до 1890 г. еще считала нужным «перестраховаться» путем тайного договора с Россией — и Бисмарк видел роковую ошибку в том, что император Вильгельм II не возобновил этого договора, — а с Италией не раз вступала в переговоры Франция, стремясь оторвать ее от Тройственного союза. Англия пребывала в «великолепном одиночестве». Франция таила незажившую рану своего поражения в 1870—1871 гг. и готова была примкнуть ко всякому противнику Германии. Жажда реванша ярко проявилась в конце 80-х гг. успехами буланжизма.

Раздел Африки был в общих чертах закончен к 1890 г., по крайней мере, на побережье. Внутрь материка, где еще оставались неисследованные области, отовсюду стремились предприимчивые колонизаторы, чтобы первыми поднять флаг своей страны и закрепить за ней «ничьи земли». Только на среднем течении Нила путь англичанам еще преграждало государство махдистов, фанатиков-мусульман, в 1885 г. одолевших и убивших при взятии Хартума английского генерала Гордона. И горная Абиссиния, на которую начинали свой поход итальянцы, готовила им неожиданно мощный отпор.

Все это были только островки — Африка, как раньше Австралия и Америка, становилась достоянием белой расы. До конца XIX века преобладало убеждение, что и Азию постигнет та же участь. Англия и Россия уже следили друг за другом через тонкий барьер слабых еще самостоятельных государств, Персии, Афганистана, полунезависимого Тибета. Ближе всего дошло до войны за все царствование императора Александра III, когда в 1885 г. генерал Комаров под Кушкой разгромил афганцев: англичане зорко наблюдали за

«воротами в Индию»! Однако острый конфликт был разрешен соглашением 1887 г.

Но на Дальнем Востоке, где еще в 1850-х гг. русские без борьбы заняли принадлежавший Китаю Уссурийский край, дремавшие народы как раз зашевелились. Когда умирал император Александр III, на берегах Желтого моря гремели пушки: маленькая Япония, усвоившая европейскую технику, одерживала свои первые победы над огромным, но еще недвижимым Китаем.

В этом мире Российская империя, с ее пространством в двадцать миллионов квадратных верст, с населением в 125 миллионов человек, занимала видное положение. Со времени Семилетней войны, а в особенности с 1812 г. военная мощь России ценилась весьма высоко в Западной Европе. Крымская война показала *пределы* этой мощи, но в то же время и подтвердила ее прочность. С тех пор эпоха реформ, в том числе и в военной сфере, создала новые условия для развития русской силы.

Россию в это время начали серьезно изучать. А. Ле-руа-Болье на французском языке, сэр Д. Мэкензи-Уоллэс на английском издали большие исследования о России 1870—1880-х гг. Строеение Российской империи весьма существенно отличалось от западноевропейских условий, но иностранцы тогда уже начали понимать, что речь идет о несходных, а не об «отсталых» государственных формах.

«Российская империя управляется на точном основании законов, от Высочайшей власти исходящих. Император есть монарх самодержавный и неограниченный» — гласили русские основные законы. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало произвола: на все существенные вопросы имелись точные ответы в законах, которые подлежали исполнению, пока не было отмены. В области гражданских прав русская

царская власть вообще избегала резкой ломки, считалась с правовыми навыками населения и с благоприобретенными правами и оставляла в действии на территории империи и кодекс Наполеона (в царстве Польском), и Литовский статут (в Полтавской и Черниговской губерниях), и Магдебургское право (в Прибалтийском крае), и обычное право у крестьян, и всевозможные местные законы и обычаи на Кавказе, в Сибири, в Средней Азии.

Но право издавать законы нераздельно принадлежало царю. Был Государственный совет из высших сановников, назначенных туда государем; он обсуждал проекты законов; но царь мог согласиться, по своему усмотрению, и с мнением большинства, и с мнением меньшинства — или отвергнуть и то и другое. Обычно для проведения важных мероприятий образовывались особые комиссии и совещания; но они имели, разумеется, только подготовительное значение.

В области исполнительной полнота царской власти также была неограничена. Людовик XIV после смерти кардинала Мазарини заявил, что хочет отныне быть сам своим первым министром. Но все русские монархи были в таком же положении. Россия не знала должности первого министра. Звание канцлера, присваивавшееся иногда министру иностранных дел (последним канцлером был светлейший князь А. М. Горчаков, скончавшийся в 1883 г.), давало ему чин 1-го класса по Табели рангов, но не означало какого-либо главенства над остальными министрами. Был Комитет министров, у него имелся постоянный председатель (в 1894 г. им еще состоял бывший министр финансов Н. Х. Бунге). Но этот Комитет был, в сущности, только своего рода междудепартаментным совещанием.

Все министры и главноуправляющие отдельными частями имели у государя свой самостоятельный доклад. Государю были также непосредственно подчинены генерал-губернаторы, а также градоначальники обеих столиц.

Это не значило, что государь входил во все детали управления отдельными ведомствами (хотя, напр., император Александр III был «собственным министром иностранных дел», которому докладывались все «входящие» и «исходящие»; Н. К. Гирс был как бы его «товарищем министра»). Отдельные министры имели иногда большую власть и возможность широкой инициативы. Но они имели их, *поскольку и пока* им доверял государь.

Для проведения в жизнь предначертаний, идущих сверху, Россия имела также многочисленный штат чиновников. Император Николай I обронил когда-то ироническую фразу о том, что Россией управляют 30 000 столоначальников. Жалобы на «бюрократию», на «средостение» были весьма распространены в русском обществе. Принято было бранить чиновников, ворчать на них. За границей существовало представление о чуть ли не поголовном взяточничестве русских чиновников. О нем часто судили по сатирам Гоголя или Щедрина; но карикатура, даже удачная, не может считаться портретом. В некоторых ведомствах, напр., в полиции, низкие оклады действительно способствовали довольно широкому распространению взятки. Другие, как, напр., министерство финансов или судебное ведомство после реформы 1864 г., пользовались, наоборот, репутацией высокой честности. Надо, впрочем, признать, что одной из черт, роднивших Россию с восточными странами, было бытовое снисходительное отношение к многим поступкам сомнительной честности; борьба с этим явлением была психологически нелегка. Некоторые группы населения, как, напр., инженеры, пользовались еще худшей репутацией, чем чиновники — весьма часто, разумеется, незаслуженной.

Зато правительственные верхи были свободны от этого недуга. Случаи, когда к злоупотреблениям оказывались причастны министры или другие представители власти, были редчайшими сенсационными исключениями.

Как бы то ни было, русская администрация, даже в самых несовершенных своих частях, выполняла, несмотря на трудные условия, возложенную на нее задачу. Царская власть имела в своем распоряжении послушный и стройно организованный государственный аппарат, прилаженный к многообразным потребностям Российской империи. Этот аппарат создавался веками — от московских приказов — и во многом достиг высокого совершенства.

Но русский царь был не только главой государства: он был в то же время главою Русской православной церкви, занимавшей первенствующее положение в стране. Это, конечно, не означало, что царь был вправе касаться церковных догматов; соборное устройство православной церкви исключало такое понимание прав царя. Но по предложению Святейшего Синода, высшей церковной коллегии, назначение епископов производилось царем; и от него же зависело (в том же порядке) пополнение состава самого Синода. Связующим звеном между церковью и государством был обер-прокурор Синода. Эта должность более четверти века занималась К. П. Победоносцевым, человеком выдающегося ума и сильной воли, учителем двух императоров — Александра III и Николая II.

За время правления императора Александра III проявились следующие основные тенденции власти: не огульно-отрицательное, но во всяком случае *критическое* отношение к тому, что именовалось «прогрессом», и стремление придать России больше внутреннего единства путем утверждения первенства русских элементов страны. Кроме того, одновременно проявлялись два течения, далеко не сходных, но как бы восполнявших друг друга. Одно, ставящее себе целью защиту слабых от сильных, предпочитающее широкие народные массы отделившимся от них верхам, с некоторыми уравнительными склонностями, в терминах нашего времени можно было бы назвать «демофильским» или